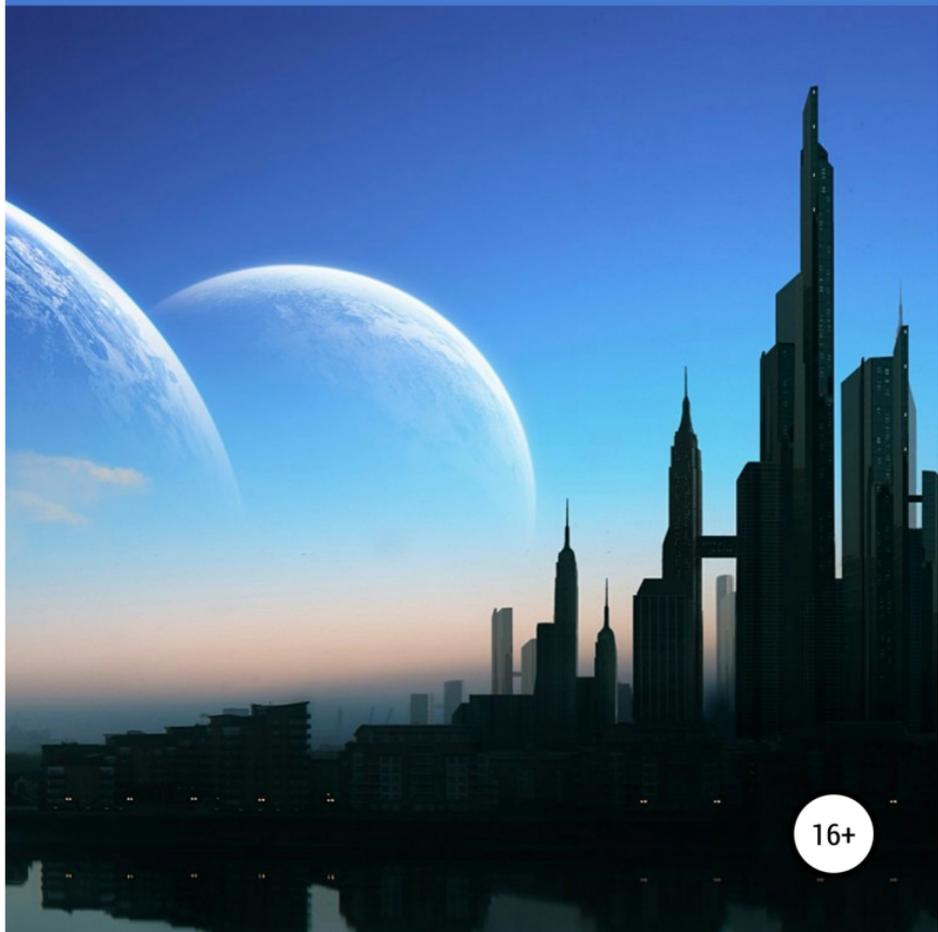

Евгения Теплова

Эрик и его редакторы

16+

Евгения Сергеевна Теплова

Эрик и его редакторы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58815398

SelfPub; 2022

Аннотация

Недалёкое будущее. Начало активного внедрения генного редактирования эмбрионов. Эрик, сын владельца институтов репродуктивных технологий, узнаёт, что по инициативе отца генетики немало постарались, чтобы наделить его выдающимися способностями, но, увы, не только ими...

Евгения Теплова

Эрик и его редакторы

Эрик кружил на автопилоте недалеко от дома, где ждала его Нора, смотрел на метущиеся по стеклу капли и думал о том, что по странному совпадению дождь сопровождает его во многие поворотные дни его жизни. Правда, ураган, обещанный на утро, налетел еще вчера вечером и застал Эрика в парке: он промок до нитки, продрог на ветру и простудился. Теперь, из-за наглухо заложенного носа приходилось ловить воздух ртом, как рыба на песке. И как так вышло, что он генетически защищен от большинства видов рака, а от насморка не то что защиты – лечения толкового до сих пор не придумали. С каждым кругом раздражение росло, а он совсем не хотел предстать перед Норой в таком состоянии. Она скажет страшное: «Я тебя не узнаю», и Эрик не осмелится ответить, что это он не узнает себя последние три года, живет как во сне и боится проснуться.

Да, Нора осветила его жизнь, и даже мрачные, безотрадные картины детства как будто осветлил фоторедактор.

Эрик впервые за много лет погрузился в детские воспоминания.

Отец, небольшого роста, полноватый, с маленькими глазами – то смеющимися, то злыми. Мама, высокая, красивая, немного сутулая, с вечно печальным взглядом. У Эрика эта

печаль вызывала досаду. Большой дом, огромная детская, бесконечные репетиторы и тренеры, в основном, электронные. Папин кабинет за тяжелой антикварной дверью, куда приходят ученые всех мастей: белые и смуглые, молодые и безвозрастные, в толстых очках, какие уже давно никто не носит, и в нелепых костюмах, какие не носил никто и никогда. У кого-то глаза горят от избытка гениальных идей, у кого-то, наоборот, несчастные, озабоченные лица.

Когда Эрику было шесть лет, он слышал, как отец проводил одного из таких посетителей.

– Где ж вы были со своими открытиями семь лет назад, – смеясь, он похлопывал китайца по спине.

И Эрик догадался, что это сожаление относится к нему.

– Что случилось? Ты чем-то расстроен? – спросила мама, застав его в слезах.

– Я сломал аэроскейт, – ответил Эрик.

Он всё время врал, сам не зная, почему и зачем. Это выходило само собой. Иногда мама просила его сказать правду, а он не понимал, что она имеет в виду.

«Ах ты маленький лгунишка», – говорил, смеясь, папа, и Эрик был счастлив, что хоть чем-то удалось его порадовать.

Потому что его успехи в учебе явно не удовлетворяли отца. К семи годам он овладел пятью языками, множеством видов искусств, от игры на тромбоне до исламской каллиграфии. Его любознательность могла состязаться лишь с его памятью. В его распоряжении находились мировая библиоте-

ка, мощнейшие компьютеры, роботы-помощники, лаборатория, планетарий, мастерская...

«Ты уже столько всего знаешь, пора бы сделать открытие», – говорил отец, поначалу весело, а под конец – сердито. И Эрик бросался истово искать «белые пятна» в самых разных отраслях науки, создавать новые направления музыки и живописи. Сколько раз ему казалось, что он приблизился к открытию, но каждый раз это оборачивалось горьким разочарованием: формулы запутывались, данные вступали в противоречие, недоставало какой-то малости и открытие снова откладывалось.

Сейчас он испытывал нечто похожее: надежда рушилась, блаженство ускользало.

Одно из немногих светлых детских воспоминаний – они с мамой едут рано утром в бедняцкий квартал раздавать еду. Светит низкое солнце, воздух ещё свеж и немного щиплет нос, в машине пахнет свежим хлебом и шоколадом. Мама придумала таким способом лечить Эрика от жадности. Поначалу эти вылазки были для него сущей пыткой, и только жажда новых впечатлений заставляла его отправляться туда, куда иначе его бы ни за что не пустили. Он не чувствовал к этим грязным людям ни малейшего сочувствия, но искренняя благодарность в их глазах, улыбки, в одно мгновение преобразившие хмурые лица, доставляли удовольствие, и вскоре он уже с нетерпением ждал очередной поездки.

Эрик не знал, как матери удавалось скрыть их от отца, ко-

торый всегда требовал от нее подробного отчёта о потраченных средствах. Но однажды кок, не найдя хозяйку, пожаловался ему на исчезновение продуктов.

– Это я разрабатываю принципиально новую диету для нормализации веса, – объяснил вызванный на дознание Эрик.

– Что за бред? Какие диеты?! Вес уже давно можно регулировать на генном уровне!

– Генная инженерия ещё долго будет доступна лишь избранным, большинство людей пользуются всевозможными диетами, – возразил Эрик.

– Хочешь сказать, тебя волнуют проблемы большинства?

– Почему они не могут меня волновать? – спокойствие Эрика выводило отца из себя.

– Потому что не могут! – он затрясся от злости. – Врёшь! Ты все врешь!

Мама прибежала на его крик, и только благодаря Эрику, который уже тогда превосходил отца в физической силе, удалось избежать рукоприкладства.

Но школьный период получился ещё темнее. Новых знаний почерпнуть он в школе не мог, но отец сказал, что он должен учиться разбираться в людях, подмечать их слабые места и уметь ими пользоваться. Всё выходило с точностью до наоборот. Дети дразнили его «ГМО» и одновременно боялись, учителя смотрели со смесью подобострастия и презрения.

Конечно, Эрик уже читал о генно-контролируемом оплодотворении и знал, что его отец – владелец крупнейших институтов репродуктивных технологий, но погружаться в эту тему желания не возникало. Он решился на разговор с отцом лишь после того, как, не рассчитав силы, чуть не убил одного из своих школьных обидчиков.

Эрик ясно помнил, как вошёл в его кабинет, встал у двери и, пока смелость не изменила ему, поспешил спросить:

– Папа, какие гены у меня отредактированы?

Отец что-то надиктовывал секретарю, но соизволил поставить его на паузу.

– А ты сам не можешь догадаться? Сопоставить факты и наблюдения? Чему только тебя учили эти электронедотёпы?

– Внешность? – начал догадки Эрик.

Отец рассмеялся.

– Мой сын гений!

Да, внешне у них не было ничего общего, но Эрик надеялся, что высоким ростом, голубыми глазами и светло-русой шевелюрой он обязан дедушке по маме, а не генетикам.

– Двенадцать лет назад редактирование внешности ещё было под мораторием, а редактирование интеллекта до сих пор запрещено, много рисков, – голос Эрика задрожал.

– Да, риск себя не оправдал. Но ведь и осложнений избежали. Так что жаловаться тебе не на что. В школе напрягаться не надо, тоже плюс.

– Так что? Память, языки, музыкальность, сила?

– Логика опять же, – продолжал смеяться отец.

– Что ещё?

– К сожалению, ген, отвечающий за способность к благодарности, пока не найден, а то бы следовало тебе его вправить, – смешливость отца резко сменилась гневом.

Комок в горле не дал Эрику возможности продолжить выяснение, и он молча закрыл за собой дверь.

После этого разговора он окончательно замкнулся. Кто он – подопытный кролик или нереализованная мечта о втором да Винчи? Так как мама не воспрепятствовала этому вмешательству, то и на неё Эрик затаил обиду. Нигде не было опоры – ни внутри, ни вовне. Лишь потом он понял, что только врождённая защита от депрессии спасла его от самоубийства. И, конечно, мамина любовь.

Она пыталась достучаться, предлагала забрать его из школы, искала, чем его заинтересовать и порадовать. Но Эрик не откликался, и мамины глаза становились всё печальнее.

– Почему ты согласилась меня редактировать? – наконец, не выдержал он.

Мама в этот момент устало выговаривала коку за пересоленный суп.

– Меня никто не спрашивал, – вздохнула она и выключила главного повара.

– Зачем ты вообще вышла за него замуж? – Эрик не знал, в чём ещё обвинить мать.

– Мои племянники чуть не умерли от голода, – ответила

она, вовсе не оправдываясь.

Эрику не было жаль ни её, ни голодных племянников. Мама подошла к нему и взяла его за руку.

– Родной, попробуй посмотреть на это иначе – мы не редактировали тебя, мы редактировали эмбрион, и получился ты. И ты замечательный, и дело не в голубых глазах или хорошей памяти...

– А в чём тогда? В чём?

Мама почему-то поморщилась. Она что-то искала глазами, чем раздражала Эрика.

– Ты не такой, каким *он* тебя задумал, – отвечала она рассеянно. – Ты такой, каким... Ты это то лучшее, что в тебе есть.

Мама направилась к креслу.

– О чём ты? – злился Эрик. – Я ничего о себе не знаю и не понимаю. А лучше всего я умею врать! Вот я придумал, что суп пересолен, а ты опять поверила.

– Родной, пожалуйста, постарайся не обманывать, – сказала она так тихо, что он едва расслышал.

Мама вдруг побледнела и, согнувшись от боли, опустилась в кресло.

– Я больше не буду обманывать, слышишь? – кричал Эрик, вызывая скорую помощь.

Всю ночь он провёл в своём планетарии, умоляя небеса о том, чтобы мама осталась с ним, и обещал отрезать себе язык, если ещё раз соврёт. Молитва его была услышана. Ма-

ма вернулась из больницы здоровой, а у Эрика отпало всякое желание врать. В качестве бонуса он обнаружил у себя способность чувствовать ложь кожей, не просто откровенную ложь, а малейшие отклонения, даже нечестность человека с самим собой. После этого нахождение с отцом под одной крышей стало невыносимым.

– Ты сегодня успеешь на ужин? – спрашивала мама, прощая его на работу.

– Нет, сегодня встречаю французов.

И Эрик знал, что он врёт.

– Я вас уверяю, – говорил он чиновнику министерства здравоохранения, приглашённому на чашку чая, – этот протокол совершенно безопасен. Сопоставимо с рисками простейшего хирургического вмешательства.

И Эрика передёргивало от очередной лжи. В свою очередь, отец каждый раз удивлялся, когда Эрик говорил правду.

В пятнадцать лет Эрик решил бросить школу и начать зарабатывать, чтобы больше не зависеть от него. Он занялся недвижимостью, к чему не испытывал ни малейшей склонности. Слухи о честном риэлторе разлетелись быстро. Электронные риэлторы тоже не врут, но в пределах той информации, которую им предоставили. К тому же Эрик иногда лучше клиентов знал, что им нужно.

Вскоре его позвали в агентство элитной недвижимости, ещё через год он перешел на руководящую должность, само-

стоятельно проведя набор сотрудников в свой отдел. Он забрал маму в другой город, она завела новые знакомства, и через пару месяцев от извечной печали в её глазах остался лишь нежный след. Эрик взял на себя попечение о её многочисленных родственниках, от помощи которым отказался отец. Общение с ним прекратилось, но Эрик частенько воображал его свидетелем своих успехов.

Заводить романы он не решался. Ему казалось, что с его стороны это нечестно, что он весь ненастоящий, искусственный и для любви непригоден. Несколько раз он знакомился с девушками по рекомендации личного консультанта – точнее, девушки знакомились с ним. Общение получалось натянутым, девушки обижались и пропадали.

А потом появилась Нора.

Наматывая круги под проливным дождем, Эрик вспомнил, что они познакомились в похожий день, три года назад. Он ехал на деловую встречу, когда личный консультант дал рекомендацию зайти в кафе, где находилась девушка, которая могла бы его заинтересовать. Эрик подумал, что консультант барахлит: ведь он только что торопил его на переговоры, начав загодя подбирать костюм, и нудил, что сейчас пойдёт дождь и возникнут трудности на дорогах. Стоп, да он же полгода назад отключил эту функцию. До указанного кафе оставалось меньше километра, когда ЛК снова завёл разговор о девушке.

– А на встречу опоздать уже не страшно? – уточнил Эрик.

– Уже не страшно, – был ответ.

Эрик рассмеялся и притормозил.

Это было обычное ретро кафе с деревянной мебелью, пыльными желтыми люстрами, насквозь пропахшее кислым кофе. За одним из столиков сидела, склонившись над бумажной книгой, миниатюрная девушка. Лицо её закрывали длинные, каштановые волосы. Она даже не подняла головы, когда он вошёл, нарочно хлопнув дверью – неужели делает вид, что не предупреждена о возможной встрече?

– Добрый день!

Нора подняла на него большие, тёмные глаза. Эрик смутился.

– Мой ЛК рекомендовал с вами познакомиться, хотя я давно отключил эту функцию, и я подумал, возможно...

– Странно, я не пользуюсь ЛК, как же он мог меня рекомендовать? Может, это ошибка?

– Да, скорее всего, я и сам так думал, но стало любопытно...

Нора понимающе кивнула и продолжила чтение.

– А почему не пользуетесь ЛК? – неожиданно для себя поинтересовался Эрик.

– Отец запретил.

– Но вы вроде уже... хм... не ребёнок.

– Я предпочитаю его слушаться, – улыбнулась Нора, ничуть не сердясь на такое нахальство.

Эрик вышел в задумчивости, угодил ногой в лужу и уди-

вился тому, что даже не выругался.

– Кажется, я опаздываю, ты не волнуешься? – спросил он у ЛК, сев в машину.

– Нет, я уже сообщил, что вы не придёте, возвращайтесь в кафе.

И Эрик вернулся, пожаловался, что ЛК будет его ругать, полюбопытствовал о книге...

И опомнился лишь поздно вечером, когда они прощались недалеко от её дома и Нора восхищалась энциклопедичностью его знаний.

– Ты прям ходячая библиотека, а ещё говорят, что у нашего поколения память намного хуже, чем у наших бабушек и дедушек.

– Мне отредактировали ген, ответственный за силу памяти. И не только его.

– Ничего себе! – изумилась Нора. – Как интересно!

– Ничего интересного. Хороший ЛК знает больше.

Заметив обреченность на его лице, Нора взяла его за руку.

– Да брось! Ты же не гибрид!

– Почти.

– Что за глупости! Вот мне много хорошего от папы досталось и что – это разве моя заслуга?

У Эрика не хватило сил настаивать.

А потом был совершенно чудесный месяц, лучший месяц в его жизни. Его детектор лжи радостно молчал, не улавливая у Норы ни одной фальшивой интонации – только милое

кокетство.

Нора оказалась дочерью генерала Фрэнсиса Данза, гениального военного изобретателя, разработчика системы защиты личных данных, ретрограда, непримиримого противника законодательных послаблений в области генного редактирования, которые лоббировал отец Эрика. И узнав фамилию будущего зятя, генерал потребовал у дочери прекратить с ним общение, но на сей раз Нора его не послушалась. Это накладывало отпечаток на их отношения, лишало их прежнего полёта.

– Я уже пять лет не общаюсь с отцом, – говорил Эрик, поймав ее погрузневший взгляд. – И ничего.

– Но тогда ты тем более должен понимать меня, – возражала Нора.

– Я понимаю, – неуверенно отвечал он.

– Почему же просто не посочувствовать?

Эрик не знал, что ответить, она сама подходила к нему, и он гладил ее длинные, мягкие волосы, желая прогнать эту непрошеную грусть.

Общение Норы с отцом возобновилось лишь через год после того, как они с Эриком решили жить вместе. Эрик не хотел с ним встречаться, но Нора настаивала. Это были мучительные вечера в гостях у Данзов. Эрик старался молчать и не замечать, как его буравят прищуренные, светло-серые глаза генерала. Он напоминал ему школьных учителей и приводил в бешенство. Накопленное за вечер раздражение

выплёскивалось на Нору, и тогда звучало это жуткое «я не узнаю тебя».

Через два года они начали мечтать о ребенке, Эрик убедил её в необходимости ГКО, в том, что это просто безответственно при наличии финансовых возможностей лишить ребенка защиты от стольких болезней и дурных склонностей. Конечно, они не собирались вмешиваться в гены, ответственные за внешность и способности ребенка, тем более что последние до сих пор находились под мораторием.

ЛК, прослышав об их планах, напророчил им уникального по своим талантам ребенка. Для этого даже не требовалось прибегать к редакции интеллектуальных способностей – достаточно было выбрать эмбрион с нужным набором генов. И Эрик признался себе, что для него это тоже аргумент в пользу ГКО: если прогноз оправдается, его ребёнок вполне может компенсировать то разочарование, которое Эрик доставил отцу.

И тут случилось несчастье. Нора гостила у родителей, когда генералу стало плохо. Он скончался на руках у дочери от тромба. Эрик вздохнул с облегчением и даже триумфом: ведь можно было избежать такой развязки, если бы генерал вовремя проходил обследования. Но тут Нора огорошила его известием: отец успел взять с неё обещание, что у первенца будут серые глаза. И сейчас, когда Эрик вспоминал этот момент, его начинало колотить от бессильной злобы. «Какая изощрённая подлость! Легче было бы взять с неё обещание

порвать с Эриком, но дочь могла отказаться, а серые глаза – такой пустяк!» Конечно, она не успела представить, что будет чувствовать он, глядя в глаза долгожданного сына и видя перед собой ненавистного тестя.

Они с Норой взяли паузу, чтобы подумать, как быть. И вот теперь, после бесконечного месяца небытия, он ехал к ней с единственным предложением не заводить детей. Эрик вполне мог обойтись и без них, а вот без Норы не мог, как не мог исполнить самодурную волю генерала: тогда бы он окончательно возненавидел себя, а заодно и Нору с ребёнком.

Эрик взялся за руль и через пять минут уже звонил в дверь. В заплаканных глазах Норы он прочёл мольбу и надежду, но не смирение. Как же он соскучился по ней за этот месяц, невероятное усилие воли потребовалось для того, чтобы не прижать её к себе.

– Давай не будем заводить детей! Пожалуйста! – выпалил Эрик.

Нора испуганно замотала головой.

– Твоё предложение, – упавшим голосом сказал он.

– Давай откажемся от ГКО. Отец сказал: «Будете заполнять анкету, пишите «глаза серые». Но если ничего не заполнять... Я много думала. Возможно, он хотел именно так...

Эрик усмехнулся.

– Не слишком ли тонкий расчёт для умирающего человека? Ты отдаёшь себе отчет, что мы обрекаем его и себя на уйму рисков?

– Всех рисков мы не исключим, и само ГКО может дать тяжёлые побочные эффекты.

– ЛК говорил, что наш сын будет выдающейся личностью, – напомнил Эрик. – При условии ГКО.

– ЛК слишком много на себя берёт, тебе не кажется?

«И правда, – подумал Эрик, – про дождь и то обманул».

– Ты заболел? – Нора дотянулась до его лба. – Я думала, ты никогда не болеешь.

– Боюсь, у тебя много иллюзий на мой счет, – улыбнулся Эрик.

Она покачала головой.

... Через два месяца они отправились на пренатальную диагностику. Нора мучилась токсикозом, волновалась, вместе с ней хмурилось низкое, тёмное небо.

– Эта толстая серая туча похожа на меня, – пошутила она. – Только у неё срок больше, вот-вот разродится дождём.

«Дождь – хороший знак», – подумал про себя Эрик.

После всех процедур их пригласили в кабинет. За столом сидела женщина, лицо которой, благодаря технологиям омоложения, потеряло всякий возраст. Нора совсем побледнела: если бы всё было в порядке, то они имели бы дело с электронным врачом. «Возможно, – подумал Эрик, – дело просто в моей фамилии».

– Вынуждена сообщить, – начала доктор, усадив их напротив себя, – что у плода обнаружены пороки, несовмести-

мые с жизнью. Так бывает, тут нет ничьей вины. Скорее всего, ваш организм самостоятельно избавится от него в ближайшие две недели, но это сопряжено с неприятными, вероятно, болезненными ощущениями, значительной кровопотерей, есть более лёгкий способ...

Эрик успел почувствовать фальшь, но увидев, как Нора в отчаянии закрыла лицо руками, поддался вдруг поднявшейся волне досады и ненависти к тестю.

– Скажи спасибо папочке, – сказал кто-то его голосом, хотя нет, это сказал он.

Нора вскочила и выбежала из кабинета, Эрик хотел броситься за ней.

– Постойте, я не всё сказала, – остановила его доктор.

Эрик похолодел при мысли, что Нора серьезно больна.

– Почему вы решили не прибегать к ГКО? – тихо спросила доктор.

– Не хотели, какая разница?

– Вы упомянули папу, кого вы имели в виду? Ответьте, это жизненно важно.

– Её отец при смерти взял обещание заказать ребенку серые глаза, я не мог с этим согласиться, нам пришлось отказаться от ГКО, – протараторил Эрик.

Доктор нахмурила чёрные густые брови.

– Это правда?

Эрик не понял, что же такого неправдоподобного он сообщил.

– Да, а что? Говорите быстрее.

– Послушайте, – она взяла ещё более заговорщический тон, – двадцать четыре года назад я руководила группой по генному редактированию. Можно сказать, ваша вторая мама, – она многозначительно улыбнулась, но Эрик не ответил ей тем же.

– Вы тогда не достигли желаемого?

– Это была филигранная работа, – улыбка сразу исчезла. – У вас ни одной побочной мутации. В отличие от вашего брата, – добавила она с горечью.

– И на том спасибо, – Эрик уже собрался бежать за Норой, но тут его осенило. – Но все-таки с моим ребенком вы надеетесь добиться большего?

– Мы все очень надеемся, – доктор подчеркнула второе слово. – Мы подобрали вам идеального партнера, согласитесь...

– Вы?

– Поймите, ваш тесть исключительно талантливый человек, и ваш сын, сочетая качества обоих дедушек и ваши успешно отредактированные гены, может стать выдающейся личностью, мирового масштаба. И это совершенно глупо, даже преступно зачинать ребенка естественным образом.

– Значит, с моим ребенком всё в порядке? – поспешил спросить Эрик.

Доктор не сразу поняла, о ком речь, а потом печально покачала головой.

– Я сообщила вам правду.

И Эрик улыбнулся так радостно, что она смутилась.

...Небо уже просветлело, падали последние крупные капли. Найдя плачущую Нору в саду, Эрик гладил её по мокрым волосам и щекам и уверял, что доктор солгала и что у них скоро родится самый прекрасный ребёнок на свете.

Отец Эрика скоропостижно скончался через три года, так и не пожелав познакомиться с Фрэнсисом, своим первым внуком. Он поскользнулся на заднем дворе своего ранчо и неудачно ударился виском. Так как он уже не пользовался личным консультантом, то хватились его только на следующий день. Тем не менее, безутешная вдова потребовала заморозить тело, и Эрик с мамой отправились на церемонию временного прощания.

От морозильной капсулы шёл жуткий холод, и поэтому никто не хотел подходить близко. Эрик пытался рассмотреть через голубоватое стекло знакомые черты и с удивлением обнаружил, что у них с отцом одинаковая форма носа. Кроме вдовы и трёх молодых людей, присутствовали несколько коллег, в том числе докторша из клиники – она беззвучно плакала, и эти настоящие слёзы совершенно не шли к её ненастоящему лицу. Больше никто не плакал. В молодых людях Эрик без труда признал своих сводных братьев. Старший, лет двадцати, высокий и очень худой, с усталыми голубыми глазами, больше сидел, а поднимался с трудом; младший ка-

зался гораздо старше своих шести лет, глядел на всех свысока и даже не обернулся, когда вдова, его мама, обратилась к нему с какой-то просьбой. Но особенно поразил Эрика брат-подросток, вокруг которого образовывалась пустота, где бы он ни находился. Эрику тоже пришлось сделать усилие, чтоб не отвернуться, и когда они встретились взглядами, он увидел знакомую бездну отчаяния, обиды и злобы и на мгновение окунулся в её мрак и холод, так что стало трудно дышать, а вынырнув, почувствовал ноющую боль в груди – он бы не назвал это новое ощущение приятным, но в нём было что-то необходимое, как в ожоге при соприкосновении с горячим.

Он возвращался с церемонии вместе с мамой. Ехали молча, и снова накрапывал дождь.

– Я пригласил среднего брата к нам в гости, – поделился Эрик.

– Зачем? – удивилась мама.

– Мне показалось, он слишком одинок... Это может плохо кончиться.

Мамины глаза наполнились слезами.

– Отец гордился тобой, – сказала она.

– Ну уж не выдумывай, – отмахнулся Эрик.

– Правда. Когда ты уехал, он каждому встречному генетику ставил задачку: каким образом можно полностью преодолеть генную редакцию, не выходя из дома? И когда те разводили руками, радостно сообщал, что его сыну это удалось.

– Не понимаю, о чём ты?

– О патологической склонности к обману, жадности, неспособности к эмпатии. Эти гены были открыты до твоего рождения, и отец считал, что они послужат твоему успеху. К счастью, амбициозность обнаружили позже, – добавила она.

Отпустив руль, Эрик долго смотрел на город сквозь мокрое стекло. «А ведь дождя на сегодня не обещали», – вспомнил он и улыбнулся непокорному небу.